

ции. Здесь Брюллов окунулся в местную жизнь и узнавал новости о культурной жизни России, слышал о Пушкине.

В 1836 году художник Карл Брюллов высказал П. В. Нащокину свое желание познакомиться с А. С. Пушкиным. Нащокин моментально откликнулся на просьбу Брюллова и написал поэту 10 января 1836 года: «Уже давно, т. е. так давно, что даже и не помню, не встречал я такого ловкого, образованного и умного человека; о таланте говорить мне тоже нечего: известен он всему Миру и Риму. Тебя, т. е. творения, он понимает и удивляется равнодушию русских относительно к тебе. — Очень желает с тобой познакомиться и попросил у меня к тебе рекомендательного письма. Каково тебе покажется? Знать, его хорошо у нас приняли, что он боялся к тебе быть, не упредив тебя» [XVI; 75].

В начале мая того же года Пушкин и Брюллов познакомились. Встреча состоялась у скульптора И. П. Витали. В 1835 году Витали поселился в Москве на Кузнецком Мосту в доме Демидова. В Москве Брюллов жил у писателя-прозаика А. А. Перовского, затем переехал к художнику-любителю Е. И. Маковскому. У него Брюллов прожил всего две недели и поселился у И. П. Витали. 29 апреля 1836 года Пушкин выехал в Москву для занятий в Архиве Коллегии иностранных дел и по делам журнала «Современник».

У Перовского Пушкин увидел картины, написанные Брюлловым в этом доме (художник даже не забрал своих работ после отъезда из его дома). Хозяин таил обиду на Брюллова и, показывая поэту картины, не мог сдерживать эмоции. Пушкин отразил все случившееся в письме жене, пересказав слова Перовского: «Заметь, как прекрасно подлец этот нарисовал этого всадника, мошенник этакой. Как он умел, эта свинья, выразить свою канальскую, гениальную мысль, мерзавец он, бестия. Как нарисовал он эту группу, пьяница он...» [XVI; С. 110]. Описание этой сцены Пушкин заканчивает так: «Умора!».

О долгожданной встрече с Брюлловым поэт написал Н. Н. Пушкиной 4 мая: «Я успел уже

посетить Брюллова. Я нашел его в мастерской какого-то скульптора, у которого он живет. Он очень мне понравился. Он хандрит, боится русского холода и прочего, жаждет Италии, а Москвой очень недоволен» [XVI; С. 110]. В эту же встречу Пушкин познакомился с некоторыми работами К. Брюллова. В том же письме жене поэт пишет: «У него я видел несколько начатых рисунков» [XVI; С. 110]. Какие именно картины видел поэт в тот день, неизвестно. Можно предположить, что это была картина на исторический сюжет «Нашествие Гензериха на Рим», эскизы «Взятие на небо Божией Матери» и «Гадаящая Светлана». Откуда такие предположения? О картине «Нашествие Гензериха на Рим» историк искусства Н. А. Рамазанов написал: «Когда А. С. Пушкин, посетивши Карла Павловича, заметил ему, что картина, произведенная по этому эскизу, может стать выше “Последнего дня Помпеи”, он отвечал: “Сделаю выше Помпеи!”» (Рамазанов Н. А. Материалы для истории художеств в России. — М., 1863. — С. 190). В это же время Брюллов в подарок графу Толстому нарисовал карандашом эскиз «Взятие на небо Божией Матери». Для Перовского был написан красками эскиз с тем же сюжетом и «Гадаящая Светлана». Последняя картина вызвала живой отклик в Москве.

Возможно, что под впечатлением от этой картины Пушкин писал жене: «У него видел несколько начатых рисунков и думал о тебе, моя прелесть. Неужто не будет у меня твоего портрета, им писанного? Невозможно, чтоб он, увидя тебя, не захотел срисовать тебя» [XVI; С. 111].

Между поэтом и художником завязалась крепкая дружба. В Москве Пушкин нередко виделся с Брюлловым. Из разговоров с Пушкиным Брюллов узнал Россию, которую так надолго покидал. Пушкину говорить с художником было не менее интересно, легко, живо. Брюллов прекрасно знал итальянскую поэзию, восхищался лирикой Данте, Тассо, Петрарки. По словам многих современников, он чудно изъяснялся по-русски.